

16+

Игнатий Белозерцев

ИЗ ГЛУБИНЫ

Игнатий Александрович Белозерцев

Из глубины

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36968116

SelfPub; 2023

ISBN 978-5-532-11286-5

Аннотация

Наиболее ценным в содержании предлагаемой книги являются стихи о подводном флоте, о его людях. Судьба, мысли и переживания лирического героя являются документами, которым веришь, они дают возможность «сухопутному» читателю глубже понять и прочувствовать этих «особых» людей – подводников. Поэт как бы открывает широкому читателю новый, неведомый для него мир. Но это – не единственное достоинство книги. Взгляд на жизнь из глубины океанов, из прочного корпуса атомной подводной лодки не менее интересен.

Содержание

На речке	6
В бору	8
Покрова	9
Распрямляется душа	10
Подильная	12
У мамы	13
В шалаше	14
Холодный дождик	15
Грибной дождик	16
Королева леса	17
Зимой в Заполярье	18
Весна в Заполярье	20
Окна школы	21
Привет, Никольск!	23
Вы поверьте, васильками...	24
Когда отпустит суета	25
В полярной ночи	26
На озере каток	27
Осина	28
Живая вода	29
Весенний ливень	31
Пустует милое крылечко	32
Босиком по теплым лужам	33

Лесное озеро	34
Пришла зима	35
Вологодское масло	36
Слово вологодское	37
Осенью	38
За окном щебечут воробьи	39
Как хорош дремучий лес	40
Зимних окон витражи	41
Лучший город земли	43
Отпусти меня, вокзал	45
Не верю в безымянные высоты	46
Дорогой Рубцова	48
Русь возвращается!	50
Москва – Мурманск	51
Урановая музыка глубин	53
Уходим	55
Автономка	58
Отклонение – ноль	62
Торпедная атака	65
Слежение	68
Возвращение	71
На срочном погружении	73
Точка на карте	74
Полгода мы без солнца...	76
В шинели черной	77
Когда в отсеки хлынула вода	78

За несбежавших с кораблей	80
Подводный стадион	81
7 апреля	82
Возьмите меня в автономку	84
Я всё ещё живу в восьмидесятых	85
Долина смерти – Долина славы!	86
Гарнизоны флота	87
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Игнатий Белозерцев

Из глубины

На речке

Чем же пахнет речной песок?
Летом, солнцем, травой, стрекозами,
Пахнет зноем лесных дорог,
Пескарями у пальцев ног,
Облаками вверху и грозами.
Пахнет чистой речной водой,
Окунями, ершами, раками,
Убегающей в луг тропой,
Собирающей мед пчелой,
Васильками, кувшинками, маками,
Деревенским парным молоком,
Чердаком, воробьями, лукошками,
Мягким сеном и сладким сном,
И крапивой, и лопухом,
И черемухой под окошками.
Пахнет радугой дождевой,
Клеверами, отавой, осокою...
А еще он пахнет мечтой,
Словно жизнь впереди, – большой,

Словно синее небо, – высокою.

В бору

Россия лесами богата.
Лопатою гриву зовут.
Бруснику гребут там лопатой.
И грузди с лопату растут.
Обрывистый глиняный берег.
За речкой – таежной простор.
Ты в рай на Земле будешь верить,
Однажды войдя в этот бор!
Янтарные сосен колонны.
Ковры дорогие лежат.
Привольно мне в залах зеленых
С корзиной брести наугад.
Как будто бы воду живую
Плеснули на душу мою.
Осеннего воздуха струи
Я грудью распахнутой пью.
– Спасибо! – сорвется невольно.
И кто-то услышит меня!
Без шапки стою богомольно
Под сводами светлого дня.

Покрова

Покрова, какое чудо!
Я шепчу любви слова.
Так внезапно, ниоткуда
Праздник в сердце – Покрова.
Подморозило сначала,
А потом как на заказ
Стелет белым покрывалом
Землю голую тотчас.
Стало вдруг светло и ясно,
И припомнилась молва —
Жизнь устроится прекрасно,
Если снег на Покрова.
Покрова, какое чудо!
Воскресил любви слова
Так внезапно, ниоткуда
Храм волшебный – Покрова.

Распрямляется душа

Благодать июльской ночи.
Запах скошенных лугов.
Речка тихая лопочет
В ивняке у берегов.
Теплый сумрак опустился
На поля родной земли.
Костерок рыбацкий взвился
На лугу в лесной дали.
Тишина... Окрестность дремлет...
И ушица хороша!
У костра приляг на землю —
Распрямляется душа.
Я восторга не скрываю,
Проживу еще сто лет
И шепчу родному краю:
– Лучше места в мире нет!
Луг Коленом величают,
Речку Кипшеньгой зовут.
И меня здесь помнят, знают:
Здесьний я, родился тут.
Птички ранние запели,
Оживает ветерок,
Травы в росах заблестели,

Догорел мой костерок.
Тает сумрак летней ночи.
Сброшен груз походных дней.
Я иду, счастливый очень,
К маме ласковой моей.
В автономке мне приснится
Запах скошенных лугов,
Ночь, уха, дымок струится
У родимых берегов

Подильная

Подильной горушку ту звали
Над Кипшеньгой – детства рекой.
Какие там виднелись дали!
А воздух там теплый какой!
Там можно с разбегу запрыгнуть
На облако, как на коня,
Чтоб, шею гривастую выгнув,
Он нес над землею меня,
Чтоб плыть над старинным погостом,
Лугами, лесами, рекой...
Так сладко, так мягко, так просто
В перине воздушной такой!
И ждут меня дальние страны,
Моря, приключения ждут,
Лианы, кокосы, бананы,
Жирафы, слоны, обезьяны...
Посмотрим, как люди живут.
Придвинусь на краешек самый
И Любушке крикну: «Привет!»
Такой-то, поди, ни в Панаме,
Ни в Африке девочки нет.

У мамы

Раннее утро, но мама не спит,
Робко на кухне ухватом стучит.
Запахи хлеба, наваристых щей
Тянутся с кухни к постели моей.
По занавеске, сосновой стене
Солнечный зайчик крадется ко мне.
Старый знакомый – скворец за окном —
Трелями будит родительский дом.
Полный восторгами алой зари,
Блудного сына, как в детстве, корит:
– Эй! Просыпайся, ленивый народ,
Солнце проспите, весну, ледоход!

В шалаше

Люблю дремать в уюте шалаша,
Смолой целебной и дымком дыша.

Ну что есть лучше, чем еловый лес,
Охапка сена да из лап навес?!

Трещит костёр, картошечка в золе.
Ну где бывает лучше на земле?!

Ещё бы, чтоб раздвинуть темноту,
Подружку бы из молодости ту,

С которой коротка бывала ночь
И все напасти улетали прочь.

Холодный дождик

Холодный дождик размазал краски.
Повсюду серо-зелёный цвет.
Пора б немного тепла и ласки.
Неделю сыплет – спасенья нет!

В холодных лужах утонет лето.
Исчезло небо – одна вода.
Наверно, солнце за лесом где-то
Попалось в тучи, как в невода.

Но тихий шёпот как будто слышен,
Что если с милой и в шалаше,
То не бывает погоды лучше
И в день прохладный тепло душе.

Грибной дождик

Тёплый дождичек идёт, я сижу,
Из-под ёлки на полянку гляжу.

Как в тазу, по чистым лужицам
Пузыри цветные кружатся.

Выползает из земли червячок.
Под листочек спрятался паучок.

Весь опятами оброс старый пенёк.
Сдвинул шапку боровик набекрень.

Вот и радуга-дуга, чудо-радуга!
Два лукошка в лес-то взять
Мне бы надо бы.

Королева леса

Королева леса всё же – ёлка!
Что там о других ни говорят.
Хороша, стройна, в живых иголках
Бриллианты радугой горят.
Меркнет на ветру порой суровой
Красота берёзовых ветвей.
А она под мантией пуховой
Только краше, искристей, светлей.
Не страшны ни ветры, ни морозы
В дорогих испытанных мехах.
Ещё ярче пламенеют розы
У хозяйки строгой на щеках.
В Новый год спешу через сугробы
По полям, по льду могучих рек
В русский лес, взглянуть на ёлку чтобы
И в любви признаться ей навек.
И поют, и кружатся метели.
И созвездья украшают зал
Во дворце, где сказочные ели
Королевский открывают бал.

Зимой в Заполярье

Луна над сопками встает,
Холодный свет в ущелья льет.
В пещерах темных вор живет,
Украл рубин с ветвей рябин,
Агат долин, сапфир вершин,
Украл топаз полярных льдин.
Запрятал россыпь жемчугов,
Румянец лиц, алмаз снегов
Под крышки мрачных сундуков.
Лесов зеленых изумруд
Никто давно не видел тут.
Мороз и мрак в ущельях ждут.
Зарей не вспыхнет небосвод.
Пожар-закат, пурпур-восход
За цепью гор, за далью вод.
Исчезла неба бирюза,
Но не спешит утрат слеза,
Еще сияют звезд глаза.
Луной всю зиму смотрит ночь,
И я спешу сердцам помочь
Прогнать и мрак, и холод прочь.
Мой стих свободный, не молчи!
От рифм теплей в глухой ночи.

Читай, погрейся, не ворчи.
Но и, поэзией горя,
Мечтаю с дней осенних я
О середине января.
Вернет сокровища январь.
Лучом волшебным вспыхнет даль,
Румянец лиц и льдин хрусталь.
Преобразится мир окрест —
В брильянтах засияет лес
Под яркой бирюзой небес.
Июнь и май лесам вернут
Берез бесценный изумруд.
Пускай их снова украдут.
Не спрятать вору на века
Красу под крышки сундука,
Прекрасна времени река.

Весна в Заполярье

Лучи кинжалами проткнули
Завесу серых облаков.
Озера золотом блеснули,
И сопки вспыхнули с боков.

На деревцах рвануло почки.
От вербы весь сугроб в пыльце.
И, как веснушки, лезут кочки
У бледной тундры на лице.

И в Заполярье скоро лето.
Хоть снег кругом, зима-зимой,
Но все же кренился планета
К светилу нашей стороной.

Окна школы

Город мой в объятьях Юг-реки,
Бережет тебя Святой Никола.
И горят в судьбе, как маяки,
На холме высоком окна школы.

Нам весну, как чудо из чудес,
Объявляли в мае пароходы,
Унося из класса до небес,
Торопя, как льдины, наши годы.

Отбурлила талая вода!
И, пройдя невзгоды все и мели,
Мы вернулись взрослыми сюда —
В то гнездо, откуда улетели!

Парты, окна, классная доска...
Всё родное – запахи и звуки!
И ласкает чистая река
Храм мечты, надежды и науки!

Город мой в объятьях Юг-реки,
Пусть хранит тебя Святой Никола,
И горят, как в море маяки,

Для детей и взрослых окна школы!

Привет, Никольск!

Привет, Никольск! Ты помнишь, старина,
Как шла по звонкой улице ОНА!?
Так к нам в сердца идёт сама весна:
Увидел – и навек лишился сна.
Мы с ней случайно встретились потом
На речке за осиновоким мостом,
Потом на пляже, где песок у ГЭС.
В мечтах я уносился до небес.
И для неё, от счастья глуп и пьян,
Не омут переплыл бы – океан!
Прости, Никольск, я был силён и смел,
Но ей признаться так и не посмел.
А там уж скоро лёгкий самолёт
Меня в края чужие унесёт.
И замелькают мои дни за годом год...
Как день один прошло полсотни лет!
И вот я здесь, ищу знакомый след.
Скажи, Никольск, открой мне, старина,
На улице какой живёт ОНА —
Моя любовь, моя мечта, моя весна?

Вы поверьте, васильками...

Вы поверьте, васильками,
Васильками я живу.
Словно птица, с облаками,
С облаками к ним плыву.
Вольный ветер, синий ветер,
Только ветер в вышине...
Все на свете знает ветер
О тебе и обо мне.
Золотая-золотая
С васильками в поле рожь!
И высокая, густая,
Словно по лесу бредёшь.
Здравствуй, поле!
Здравствуй, небо!
Дом родимый у реки!
Как давно я с вами не был!
Как красивы васильки!
Вы поверьте, только вами,
Только вами я живу.
Где бы ни был, с облаками,
С облаками к вам плыву.

Когда отпустит суета

Когда Москва в изнеможенье
Под утро рухнет в тишину
И первый луч начнёт движенье,
Как кот к чердачному окну,
Когда страстей вчерашних ропот
Уже водой студёной смывает,
И всякий звук похож на шепот,
И наконец столица спит —
Взгляните! Как она прекрасна,
Когда отпустит суета!
И Кремль сияет в водах ясных,
И храм Спасителя Христа.
Через минуту, словно птицы,
Вдруг встрепенутся купола.
И отуманят лик столицы
Неумолимые дела.
Пусть коротка минута эта,
Она останется со мной —
Я слышал музыку рассвета
Над озарённою Москвой!

В полярной ночи

Радужным, зыбким органом расцвечен
Черный провал заполярных ночей.
Север гранитный короной увенчан
Трепетных, ярких, холодных лучей.
С чем еще сравнивать жуткое чудо?
С дивным букетом полуденных стран?
В храме полуночном смертному люду
Вечности мессу играет орган!
Плачут басы в этом траурном зале,
Души людские куда-то маня.
Может, на север, на Полюс умчались
Все, кто прошли по земле до меня?
Вихри холодные в небо взмывают:
Красный, зеленые, с голубизной.
Мечутся в пляске, играют, мерцают...
Мертвых цветов торжество над Землей.
Вижу – распластан на черном граните.
Слышу – орган обо мне голосит.
Реквием грозный в холодном зените
Вечной загадкой над миром висит.

На озере каток

Вода замерзла полая,
А снега лишь чуток.
Поземка вьет веселая.
На озере каток.
Звенит приятной музыкой
По всей округе лед.
И кружится, и кружится
Снежинок хоровод.
Подводные растения
И рыбы мне видны.
Волшебные видения
Неведомой страны.

Осина

Осинка-лопотушка,
Подружка-хохотушка,
Стоит себе, болтает
На даче за сараем.
Проста, неприхотлива,
Живуча всем на диво.
Хоть яблочек не приносит,
Но и воды не просит.
Люблю тебя, осинка,
За сказки без запинки,
За песенки лесные,
Частушки удалые...
Ругается сосед,
А мне и дела нет.
Пустая мол лесина,
Но пусть растёт осина!

Живая вода

Послушай, друг,
А как там луг?
И как кусты?
И как цветы?
Всё так ли река
Чиста, глубока?
А там, где мысок,
Горяч ли песок?

Убегу, убегу, убегу, убегу навсегда
Туда, где журчит живая вода,
Где ветер один – всему господин,
Туда, где леса метут небеса!

А помнишь, друг,
Под песни выюг
Так сладок сон,
Так лечит он!
Жива ли изба?
Дымит ли труба?
Рябину в снегу
Забывать не могу!

Убегу, убегу, убегу, убегу навсегда
Туда, где журчит живая вода,
Где ветер один – всему господин,
Туда, где леса метут небеса!

А знаешь, друг,
Спешат на юг
Жильцы столиц
И стаи птиц,
А мне бы луч
Из серых туч,
А мне бы тоски
У хмурой реки!

Убегу, убегу, убегу, убегу навсегда
Туда, где журчит живая вода,
Где ветер один – всему господин,
Туда, где леса метут небеса!

Весенний ливень

Весенний ливень водопадом с круч
Умыл дома, мосты, деревья в парке...
И солнца луч, и ласковый, и жаркий,
Раздвинул полог облегчённых туч.

И встала радуга! Проспект сиял под ней.
В весёлых брызгах, в фейерверках света
Я видел, к нам в Москву въезжало лето
На тройке золотых своих коней.

Пустует милое крылечко

Пустует милое крылечко.
Дрожит рябинка под окном.
В родимом домике над речкой
Уснула мама вечным сном.

Лежит, сложив смиренно руки.
– Ну полно, мамочка, вставай!
Здесь дети все твои и внуки.
Неси на стол свой каравай.

Не встрепенётся, не заплачет,
Не захлопочет, и в печи
Огонь весёлый не заскачет.
Совсем остыли кирпичи.

Не перекрестит на дорожку,
Спеша последнее отдать,
В пустой карман не сунет трёшку.
И днём и ночью у окошка
Меня никто не будет ждать.

Босиком по теплым лужам

Босиком по теплым лужам —
Утомили каблуки,
Выпускницы утром кружат
Беззаботны и легки.
Ночью дождик вымыл город.
В речке плещется заря.
И сияет свеж и молод
Купол древнего Кремля.
Прочь, учебники и стужа!
В легких платьицах идут.
Ах, как любят! Ах, как дружат!
Ах, как весело поют!
Словно стайка фей крылатых
К нам спустилась с высоты,
Мир наполнив ароматом
Чистоты и красоты.

Лесное озеро

Озеро далекое
Посреди лесов
Огласилось клетотом
Птичьих голосов.
Озарилось крыльями
Белоснежных птиц,
Древними поверьями,
Бликами зарниц.
Из-за моря, издалека,
Из тепла саванн
Прилетел к истокам
Белый караван.
К своему гнездовью,
В лоно тишины,
С нежностью, с любовью,
В сказочные сны.

Пришла зима

Снова праздник – пришла зима.
Налетела, как стая белая.
Прямо в небо дымят дома.
Вырастают стволы с холма,
Поднебесная роща целая.
На черемухе – снегири.
Ветви белые, птички алые.
Хочешь яблоко? Вот, бери.
Под окошком в лучах зари,
Словно яблоньки запоздалые.
Как по пуху, бреду к дружку:
Раздобыл дружок медвежатину.
К магазину по бережку,
Через мостик да по лужку,
Мимо мельницы – на свежатину.

Вологодское масло

Вологодского масла
Не бывает вкусней.
Прост, как лапоть,
как прясло —
Нет сравнений точней!
И сермяга наш Яшин,
И Рубцов наш таков,
А найдите изящней
Этих двух «простаков».
За загадками кружев
Не летают до звезд,
В перламутровых лужах
Их оставит мороз.
Травы в искрах рассвета,
Ароматы лугов
Тронут сердце поэта,
Льются в вымя коров.
Рвусь сквозь тернии
к пряслу,
К кружевам на окне.
Вологодское масло
Будет вечно в цене!

Слово вологодское

Слово вологодское
Взволновало грудь.
Детство деревенское
Не дает уснуть.
Вспомнились дороженьки,
Вспомнились луга,
Заливные поженьки,
Свежие стога...
Реченьки излучины,
Аромат полей...
Что взамен получено?
Сердцу что милей?

Осенью

Море седое.
Бушующий вал
Пеной прибоя
Вскипает у скал.
Небо набухло,
Припало к земле.
Травы пожухли.
Рябина в огне.
Запах дурмана
От зыбких болот.
Птиц караваны
Уходят в полет.
Тундры осенней
Багряный ковер
Плещется в чашах
Прозрачных озер.
Сопки, да кручи,
Да камни кругом.
Ветры, да тучи,
Да мы с рюкзаком

За окном щебечут воробьи

Кто сказал, что радоваться нечему!?

По утрам щебечут воробьи.

Даже стыдно иногда, что с вечера

Клял весь мир за горести свои.

Глянь, какое солнышко над городом

Разметало добрые лучи.

Так свежо, так радостно и молодо,

Что вставай и воробьём кричи.

Раму настезь распахну оконную.

Хватит всем и света, и любви.

Гонят прочь печаль-тревогу сонную

Радостным трезвоном воробьи!

Как хорош дремучий лес

Как хорош дремучий лес —
Мир загадок и чудес.
Вдалеке от городов
Самолётов, поездов,
Пыли, шума, суеты —
Тишина, покой, цветы...
Пахнет свежестью лесной,
Земляникой и сосной.
Только там, где волчий лог
У неезженных дорог,
Там, где пень сухой торчит,
Чёрный ворон прокричит.
Лес притихнет, замолчит.
Что за странный часовой?
Что за сказки Царь лесной
Поручил стеречь ему?
Не известно никому!

Зимних окон витражи

Зимних окон витражи.
Лунное сияние.
Елка, сумрак...
Ни души...
Шариков мерцание.
Хорошо под Рождество
О былом мечтается,
Сказкой светится окно,
Детство вспоминается.
На расписанном стекле:
Глухомань таежная,
Лес в узорном серебре,
Дрема бездорожная.
Под деревьями видна
Ветхая избушечка.
При лучине у окна
Лен прядет старушечка,
Песни длинные поет,
Нить судьбою тянется.
Волк к избушке подойдет,
След в снегу останется.
Тишина, мороз трещит,
Да сугробы сходятся.

Ночь хрустальная дрожит,
Звезды хороводятся.
Ах, какие витражи!
Лунное сияние.
Светлый праздник для души,
Древнее предание.

Лучший город земли

Жизнь в провинции плохая.
Недовольны все кругом.
Всё равно не надо рая —
Посетить бы отчий дом.
Был в Париже и в Берлине,
А теперь живу в Москве.
Только все ж Никольск старинный
Всех милее на Земле.
Будто выйдет вдруг из леса
Вам навстречу Русь сама —
Деревянные навесы,
Деревянные дома.
Скот домашний, огороды,
Баня, хлев и сеновал.
Близость матушки-природы.
И с картошечкой подвал.
Из дощечек тротуары,
Весь в сирени палисад.
Погулять выходят пары
В городской тенистый сад.
А какой там свет струится
На сугробы из окна!
А как тихо снег кружится!

Снегом улица полна.
Как дымок из труб приятен!
Чугунки в печи кипят.
Чист мой город и опрятен.
Бодро валенки скрипят.
И на юг спешить не надо —
Юг-река со всех сторон.
Пляж шикарный с домом рядом —
И бассейн, и стадион.
Опоясывает речка
Город, словно поясок.
У воды мое крылечко.
Золотой песок у ног.
А какие сосны, ели!
Наглядеться не могу.
Здесь с друзьями мы сидели
У костра на берегу.
В путь душа моя стремится
От родимых мест вдали,
Чтоб свиданьем насладиться
С лучшим городом Земли.

Отпусти меня, вокзал

Отпусти меня, вокзал
Погулять по городу.
Где я только ни бывал —
Всё же тянет в Вологду.
Городок-то, городок —
Что кресты, что башенки!
Говорок-то, говорок —
Окающий, нашенский!
Сохранился, ввысь и вширь
Рвётся город древний.
Каждый встречный – богатырь,
Женщины – царевны.
На морях я с юных лет,
Здесь проездом снова.
Поспешу-ка сдать билет
Да махну к Рубцову,
Где идёт чистейший снег
На тишайшую из рек,
Где на комьях глины
Вянут георгины...

Не верю в безымянные высоты

Не верю в безымянные высоты.
Ты не у карт – у жителей спроси.
Любая горка, ручеёк, болото
Название имеют на Руси.

Преданья достаются по наследству.
Из слов картина Мира соткана.
Земли родной названиями с детства
Душа моя, как музыкой, полна.

Они со мной – и счастье близко-близко.
Они звучат – и дома я, мой друг:
Воронья, Согры, Волок, Черемиска,
Подильная, Борок, Казённый луг...

Идёт по лесу Старая дорога.
Бежит по полю Новая межа.
На Просеке – маслят, конечно, много.
На Вырубках – малина хороша.

Под каждой ёлкой чудо видел кто-то.
В любом логу пугает наповал...
Кто верит в безымянные высоты,

У нас в деревне точно не бывал!

Дорогой Рубцова

До деревни до Николы
Труден путь.
До парома от парома —
Хлябь и муть.
Ни попутки, ни подводы —
Пешедрал.
Сколько раз по непогоде
Он шагал...
Яства – чёрная краюха
Да вода.
Стонут в поле, как старухи,
Провода.
Натрудил матросу плечи
Вещмешок.
Попугал в осенний вечер
Волчий лог.
А пойди-ка, поищи
Стихи светлей,
Его сказочной глуши
И журавлей.
Вот обидно карьеристам
От пера,
Что не им сундук Россия

Отперла.

Где сокровища несметные,
Грады-Китежи бессмертные...

А чего завидовать,

Дружок?

Вот те лапти, вот сума

И батожок.

Русь возвращается!

Художнику В. Н. Латынцеву

В Устюге храмов горят купола.
В Сухоне льдины дыбом.
Русь православная мне мила.
Таю весенней глыбой.
Дома я, в тёмном гуляю лесу,
Полям дышу и лугом.
Пью, как лекарство, полотен красу.
Встретился с давним другом.
Ветра и птиц узнаю голоса.
Святость во мне земная.
Как в этих лужах горят небеса!
А синева какая!
Радость во мне, не тоска и не грусть.
Избам хочу покаяться.
Кто там твердит: «Уходящая Русь»?
Русь возвращается!

Москва – Мурманск

Москва растаяла вдали.
Продлится два часа полёт.
И Мурманск на краю земли
Полночный примет самолёт.
Под облаками спит земля,
Которой в мире нет милей.
Леса, погосты и поля
И домик матери моей.
Края, где знаю каждый куст.
Село, где не был столько лет.
Луга, где воздух на меду.
Сады, где рвал с черёмух цвет.
Бездушный век приговорил
Летать в стерильных облаках.
Да так, что я почти забыл
И шум берёз, и запах трав.
А мне нельзя без тех лугов!
А мне нельзя без тех полей!
Я все отдам без лишних слов
За воздух родины моей.
Лечу над ватой облаков.
Могуч, как бог, ни дать ни взять.
На днях от Кольских берегов

В подлодке отвалою опять.
А там не воздух – кислород
Настоян тяжкой глубиной.
Там океан и вечный лёд
Между Россиею и мной.
А мне нельзя без тех лугов!
А мне нельзя без тех полей!
Я всё отдам без лишних слов
За воздух родины моей.
Москва растаяла вдали.
Ночной закончился полёт.
И Мурманск на краю земли
В огнях встречает самолёт.

Урановая музыка глубин

А. Г. Буглаку

Романтиков в помине не осталось,
И мы с тобой дожили до седин.
Счастливчики! Ведь нам с тобой досталась
Суровая романтика глубин.
Ты помнишь, как ныряли от причала —
В подводный космос от полярных льдин?!
Чтоб побеждать! И нам с тобой звучала
Урановая музыка глубин.
– Нормально ли – в поэты в ваши лета? —
Спросил журнальный деятель один.
Он где-то прав, но пусть учтут при этом
Влияние морозов и глубин.
Есть бриллианты и пустые стразы.
Есть просто угли от костра осин.
Но угли превращаются в алмазы,
Преодолев давление глубин.
Но души превращаются в алмазы
Под тяжестью немислимой глубин.

Ох, трудна, тяжела глубина.
Если что – ни покрышки, ни дна.

Только всё же упрямо идём мы на бой
В глубину, в глубине, с глубиной.
Потому что нам в жизни была суждена
Для огранки души глубина.

Уходим

Е.М.Иванову

Бурун.

Толчок.

Присела, понеслась!

Мы перешли

с моторов

на турбину.

Какая мощь!

Какая дрожь и страсть!

Уже волна

ласкает нашу спину.

Уходим

на работу в океаны

Невидимые

пахари глубин.

Для жизни мирной,

как это ни странно,

Нужны

ракеты

наших субмарин.

В холодный мрак

и в тишину

уходим,
Задраив люки,
и надраив медь,
Чтоб за Россию
при любой погоде
Ракеты
не замедлили
взлететь.
Под тяжкий груз
мы подставляем плечи.
С ним нет покоя
и на самом дне.
И рвутся души
сквозь металл
на встречу —
Из чёрной бездны
к солнцу и весне.
И вот опять —
присела, понеслась!
Уже идём
из базы
под турбиной.
Какая мощь!
Нырнуть какая страсть!
И вот волна
скрывает субмарину.

Автономка

Верхний люк уже задраен.
В ЦГБ шумит вода.
Погруженье начинаем.
Устремляемся туда,
Где стихия субмарин —
Тишина и мрак глубин.
Самый северный в Европе
Маячок мигнул вдали.
С ним исчезли в перископе
Очертания земли.
Семь минут дифферентовка —
Вот что значит тренировка.
Крейсер слился с человеком.
Тонну за борт, тонну в нос.
Осмотреться по отсекам.
Лишний вырубить насос.
Все системы проверяем.
Всё сбывается. Ныряем.
– Тридцать, сорок, шестьдесят, —
Слышен боцмана доклад.
Наконец спокойно мне
В безопасной глубине.
Как набат разнёсся эхом:

«Слушать всем!» – звенит сигнал.

В настороженных отсеках

Гимн Союза прозвучал.

Командир довёл до нас

По трансляции приказ:

– Курс на Полюс. Там всплывём,

Баллистической ракетой

В океане Тихом где-то

По квадрату долбанём.

Соблюдая тишину,

Мы уходим в глубину.

Задаем турбине двести.

Квакер щёлкает на дне.

Это значит мы на месте,

На рабочей глубине.

И крадёмся на вершину

Подо льдом в ущельях гор,

Уповая на машины

Да на мамин заговор...

Двадцатиметровый лёд

Здесь от шторма бережёт.

Слышал, были здесь когда-то

И подлодки супостата.

Не стучите люком громко —

Скрытность, море, автономка!

Вахта, сон, обед, каюта,

Тренировка КБР,
Чтенью, видику минута —
Вот подводника удел.
У мужчин налажен тут
Настороженный уют.
Сутки, месяцы бегут.
Нет, бегут до половины,
Ковыляют с середины,
По-пластунски наконец,
Словно раненый боец,
Сутки тянут еле-еле
Воз тринадцатой недели.
Вахта, ужин, филь, каюта,
Разговоры о стране,
Дети, женщины во сне...
И не спится почему-то
Подо льдом на глубине...
Всё же мир узнает нас —
Нами выполнен приказ.
Точно вмазала ракета
В океане Тихом где-то.
А о том, как в полынье
Оказался на корме
Белый, как сугроб, медведь
На людишек посмотреть,
Как мы вышли на простор

Из-под айсберговых гор —
То отдельный разговор.
Расскажу когда-нибудь.
Дайте мне передохнуть.
Вновь поют цистерны звонко.
Мы устали в тишине.
Завершилась автономка.
Крейсер снова на волне.
Ну, а штурман – парень дока!
И маяк, и город здесь.
И всплываем не до срока —
Все же счастье в жизни есть!
Снисхождения не знали
К нам ни льды, ни глубина.
Запах тундры слёзы дарит...
Принимай сынов, страна!

Отклонение – ноль

Достигли Полюса. Над нами вечный лед.
За много миль ни одного просвета.
По карте же неподалеку где-то
Есть полынья, которая нас ждет.
Вращаемся вокруг земной оси.
На ледомере тридцать метров, двадцать...
Сквозь лед такой нам к солнцу не прорваться,
На метра два едва хватает сил.
Ледовая разведка не точна?
А может, льды сплотила здесь природа?
В Центральном бьется мысль атомохода.
В отсеках ожиданья тишина.
Но мне всегда сопутствует успех!
Есть полынья – окно для нас открыто.
Всплываем меж ледовых сталактитов
На ровном киле вертикально вверх.
Нелегко путь во льдах из глубины.
Мы сутками на всплытии потеем.
Как говорят, ураном воду греем,
Забыв про отдых, пищу и про сны.
Но есть конец и этой маяты.

«Спиной»¹ прижались к панцирю земному.
Теперь осталось воздуху шальному
Продуть балласт и завершить труды.
Ликуй, братва, отдраен верхний люк!
Как узников, встречает нас свобода.
Кричим «Ура!» Прекрасная погода.
С вершины мира вдаль несется звук.
Футбол на Полюсе. Поверите едва ль.
Ворота – белоснежные торосы.
Служаки старые и юные матросы
Резвятся, криком оглашая даль.
Но делу – время, а потехе – час.
Не на футбол пришли сюда, однако.
Звучит сигнал «Ракетная атака!»,
Ничто у пультов не смущает нас.
А наверху мешает нам медведь —
Огромный, белый, не пугаясь вахты,
Гуляет там, где крышка нашей шахты.
Когда ему удастся посмотреть?!
Вот старт готов. Сейчас решится все.
Готовила его десятилетия
Страна моя. Я за нее в ответе.
Мы помним назначение свое!
Считает кто-то: флота песня спета.
Но тетивой и сталь, и нерв звенит.

¹ «Спина» – верхняя часть корпуса подводной лодки.

И вот ракета, разорвав зенит,
Ушла от льдов в тропическое лето.
Нам сообщили: «Отклоненье – ноль».
Теперь я знаю, и мужчины плачут.
Мы победили, выполнив задачу!
Но радость плачет, как не плачет боль.

Торпедная атака

На перископной глубине
Качает нас волна.
Но в окуляры снова мне
Эскадра не видна.
Махнул лопатой – никого².
Ныряю сразу вниз.
У экипажа моего
С досады нос повис.
Старанья наши псу под хвост.
Дошли сюда пока,
Циклон поправку, видно, внес
Не вышел ОБК.
Сегодня расколоть готов
Я ордер, как орех.
Как много вложено трудов!
Устранено помех...
Или ошибся, упустил,
Не рассчитал зигзаг?
И крейсер мимо проскочил,
Ушел за просто так?!
Не может быть! Я проверял

² "Махнуть лопатой" – быстро, за один оборот антенны обследовать надводную обстановку с помощью радиолокационной станции.

Не раз свое чутье,
Ему в атаках доверял
Спасение своё.
– Шумы надводных кораблей! —
Как гонг, звучит доклад.
Ложусь на пеленг поскорей.
У всех сердца стучат.
Дрожит подлодка скакуном.
И крен, и дифферент.
Глубины вспороты винтом.
Решающий момент.
Тут силуэты не видны,
Веду вслепую бой.
Мы победить сперва должны
В атаке мозговой.
Стеной эсминцы, БПК.
Но если каждый – ас,
Летит, как утка на стрелка,
Цель главная на нас.
Прорвали ордер. Правый борт.
Зеленые огни.
«Омега» введена в прибор.
И вот – команда «Пли!».
На крейсер, выполнив вираж,
Вошли торпеды в след.
И приз Главкома будет наш,

Теперь сомнений нет.
– На курс отрыва. Полный ход.
Уйдем на глубине.
И тут я чувствую, как пот
Струится по спине.
Бесследно канули года,
Как трассы от торпед.
Вот здесь, в отсеке,
Никогда
Побед бескровных нет!

Слежение

Бегу с ведром на голове³,
Не слышу ни черта.
Забил слух помехой мне
Шумящая вода.
Ракетовоз от нас ушел,
Вот-вот на мушке был.
Искал «коробкой» – не нашел,
Лишь время загубил.
Нам встречный танкер помешал.
Он спрятался под ним.
Тоску в подскоке разогнал —
За танкером летим.
– Акустики, снижаем ход.
– По курсу прямо – цель.
Теперь он точно не уйдет.
Еще разок проверь.
Его шумы слышны опять.
Привязан, что ли, здесь?
Несется в лоб! А ну стоять!
Там ведра тоже есть!

³ "Бежать с ведром на голове" – выражение подводников, означающее для подводной лодки двигаться со скоростью, когда гидроакустические приборы не "слышат".

Посылкой прямо барабань,
И реверс побыстрей.
Задел скулу. И дело – дрянь,
И шкуру рвет на ней.
Загривок дыбом ото лба —
Ответственность на мне!
Лишь чуть царапнула судьба,
Но ужас по спине.
Я цел и должен продолжать,
Залижемся потом.
– А ну бодрей, не унывать!
– Механик, что с винтом?
Надежно «джона» взял за хвост.
Наращивая ход,
Бежит от нас ракетовоз
В спасение террвод.
За ним не можем мы туда —
Граница, как стена.
Для нас – нейтральная вода,
Мы – мирная страна.
Следил три ночи и три дня,
Держались молодцом.
Но смотрят, вижу, на меня,
Как будто что с лицом.
Открыли мне секрет простой
В каюте зеркала —

Прическа черная, как смоль,
Теперь, как снег, бела.
Вот так я стал как лунь седой,
Хоть не был на войне.
Ракетно-ядерной бедой
В лицо дохнуло мне.

Возвращение

Блюдце опрокинуто,⁴
И Кувшин пролит.
Только створ ведущий
В темноте горит.
Дал оперативный
Нам добро на вход.
Городок родимый
Субмарину ждет.
Крепко обнимали нас
Льды и глубина.
Радость возвращения —
Ты на всех одна!
Ворвалась в центральный,
По отсекам вторя,
С запахами тундры,
С рокотаньем моря.
Что за сигаретка!
Слаще нет отравы.
Нас ласкают ветры
Из Долины Славы.
Блюдце опрокинуто,

⁴ Блюдце, Кувшин – острова у входа в губу Западная Лица соответствующей названиям формы.

И Кувшин пролит.
Только створ ведущий
Радостно горит.
Помня поименно
Всех, кто не придет,
Западная Лица
Нас живыми ждет.

На срочном погружении

На срочном погружении
Закрякался ревун.⁵
Обиды и сомнения
Лечи, седой Нептун.
Исчезну я на месяцы
С поверхности Земли.
Отечество там мечется
Дельфином на мели.
В русалкиных владениях
Покой и тишина,
Ни бури, ни волнения
Не достигают дна.
В титан и сталь закованный,
Как в космосе, лечу.
Покою очарованный,
Вздыхаю и молчу...

⁵ Ревун – звуковой сигнальный прибор на подводной лодке.

Точка на карте

Спросят, а как там, на атомном флоте?
Что повидал да куда заходил?
Друг, ты пойми, в монотонной работе
Месяцы в плаванье я проводил.
Точка на карте мне вспомнится сразу,
«Заяц»⁶ прокладчика в сетке морей.
Пашем глубины согласно приказу,
«Зайца» того черепаха быстрей.
Вахты ночные тревожные снова,
Крепко сжимает корабль океан,
Новости в сутки шифровкой в три слова,
Траверзы пройденных портов и стран.
Нудно в центральном гундосят сельсины⁷,
Воду бесшумно лопатят винты,
Где-то над нами – тайфуны и льдины,
Где-то внизу – желоба и хребты.
В точку тугую спрессованы души,
Пулей летим мы к приборам на пост,
Если акустиков чуткие уши

⁶ «"Заяц"» прокладчика – световая отметка места подводной лодки на карте автопрокладчика курса корабля.

⁷ Сельсины – электрические приборы.

Чью-то подлодку поймают за хвост⁸.
В миле от берега точка на карте
Вновь превратилась в корабль-исполин.
Вышли под елочку, вынырнем в марте —
Сотня уставших счастливых мужчин.
Солнечный мир я восторженно встретил,
Ветра и чаек ловлю голоса!
Помню, на пирсе в себе я заметил —
Плавится сердце и тают глаза.
Будто на свет появился впервые,
Надо, как в детстве, учиться ходить.
Землю, и небо, и сопки седые,
Друг, так, как я, ты не сможешь любить.
Пальмы, бананы, заморские страны...
Нет, мне достался завидней удел —
Мерить на всю глубину океаны,
Знать и тоски, и восторга предел.

⁸ "Взять за хвост" – здесь означает получить гидроакустический контакт.

Полгода мы без солнца...

Полгода мы без Солнца,
Полгода – без Луны.
Зимой звезда в оконце
Да всполохи видны.
А летом с белым светом
Нам справиться нет мочи.
Так хочется нам летом
Ну хоть немножко ночи!
Хочу туда, где солнце
С утра ласкает взгляд.
А ночью – тьма в оконце
И звездочки горят.

В шинели черной

В море синем летом знойным
Я нырял у крымских скал.
По ошибке кто-то черным
Море это обозвал.
Он не знал, конечно, грешный,
Беспросветный наш удел,
Заполярный климат здешний,
Черной краски беспредел.
Глянь, стою в шинели черной,
Черной стаей замер строй.
Люк подводной лодки черной
Черной втянет нас дырой.
Погрузились в космос черный
И летим средь звезд и льдин.
Астероидом безмолвным
Черным вынырнет Кильдин.
Крест над Западной Лицей,
Тень знакомая на дне⁹
У Медвежьего приснится
Черной меткой в страшном сне.

⁹ Подводная лодка «Комсомолец».

Когда в отсеки хлынула вода

*Памяти подводников атомной подводной лодки
К-159*

Когда из трещин хлынула вода,
Немедля мы задраили отсеки,
Но трос не вынес корабля-калеки,
И мы остались в море навсегда,
На острове погибших кораблей —
В прославленной и брошенной Гремихе.
Давно за нами увязалось лихо,
Пугая видом тлена и смертей.
Кого винить?! Запомните одно —
Мы были молодыми и живыми!
Бойцами! Не котятками слепыми,
На боевых постах ушли на дно.
Мы знали, что в реакторах уран,
А он не должен вырваться наружу!
И мы за вас отдали Богу душу,
Спасая Ледовитый океан.
Когда в отсеки хлынула вода,
Всё на пути сминая и калеча,
Под страшный груз подставили мы плечи,
Чтоб к вам на берег не пришла беда.

Отсек – редут и огневой рубеж,
Бородино и поле Куликово.
Мы до конца своё сдержали слово,
Не отступив и не предав надежд.

За несбежавших с кораблей

Мой тост за тех, что не сбежали,
Как крысы по концам в порту,
И, если надо, закрывали
Собой пробоины в борту.
У них и штиль, и непогода,
И поражение, и успех,
И даже капля кислорода —
Одна на всех. Одна на всех!
Они надежду в дни лихие
Из бед выносят на руках.
От века держится Россия
На настоящих мужиках.
За них – сегодня самых главных —
Бокалы до краев налей.
За самых верных, за бесславных,
За несбежавших с кораблей!

Подводный стадион

Мечусь, как зверь, я по торпедной палубе,
Нет аппетита, и потерял сон.
Вам восемь метров показалось мало бы,
А для подводной лодки – стадион.
Подпрыгнув, повисаю на шпангоуте,
Сойдет за перекладину вполне.
В купе экспресса с год пожить попробуйте,
Тогда поймете, как на глубине.
Эх, жизнь моя – пирог с начинкой ядерной.
Я мегатонны трогаю плечом.
Лишь восемь метров в этом мире матерном,
Но гиподинамия – нипочем.

7 апреля

7 апреля¹⁰ – холодный норд-вест.

7 апреля – отчаянья жест.

7 апреля – огонь и вода.

7 апреля – большая беда.

7 апреля – растерзанный флот

Потери считает и горькую пьёт.

7 апреля...

И всё-таки есть

И в чёрном апреле

Нам светлая весть —

Мы вместе, а значит

Беда – не беда.

И лечит нас дружбы

Живая вода.

7 апреля – на волю всех птиц!

Сегодня мы в храмах

У древних гробниц

Друзей поминаем,

Молитву творя,

¹⁰ 7 апреля 1989 года в праздник Благовещения погибла советская атомная подводная лодка «Комсомолец».

От Западной Лицы
До башен Кремля.

Пусть вечно их славят
Весна и капель.

7 апреля – святая купель!

Возьмите меня в автономку

Из мягких постелей и плюшевых кресел,
От ласковых жен и уютных квартир
Сбежим, как из плена, по долам и весям —
Отдайте приказ, боевой командир!
Пусть грозное море над рубкой сомкнется
И люк опечатает суетный мир,
Пусть юности песня в душе отзовется —
Отдайте приказ, боевой командир!
Ведь я на подлодке не с бухты-барахты.
Мой старый бушлатик изношен до дыр.
Вы только доверьте – я выстою вахты.
Отдайте приказ, боевой командир!
Здесь сердце на месте и нервы в порядке,
И нас не пугает тревожный эфир.
А как у акустиков плачут касатки...
Отдайте приказ, боевой командир!
Закатим с приходом раздольно и громко
В родном гарнизоне мы сказочный пир.
Возьмите, возьмите меня в автономку!
Отдайте приказ, боевой командир!

Я всё ещё живу в восьмидесятых

Я всё ещё живу в восьмидесятых
И до сих пор, признаться, не смирюсь
С делением на бедных и богатых,
Пою «несокрушимый» наш Союз.
Там корабли уходят в океаны
И день получки, как икона, свят...
И было это, как это ни странно,
Не сто, не двести – 20 лет назад!
Там деньги ничего почти не значат.
Там, как до звёзд, до пенсий и седин.
И обнимают шар земной, как мячик,
Маршруты наших грозных субмарин.
И, рыночные рублики мусоля,
Я не устану славить времена,
Где каждый был поэтом и героем,
Когда звала Великая страна.

Долина смерти – Долина славы!

Долина Смерти – Долина Славы.
Неразделимые имена.
Четыре года здесь бой кровавый
Вела с врагами моя страна.

Здесь эхо гулкое хохотало,
Вода кровавым текла вином.
Хрипела ярость, любовь пылала
В жестокой битве Добра со Злом.

Долина Смерти – Долина Славы.
Здесь расколола земную твердь:
Во веки слава – где берег правый,
А берег левый – позор и смерть.

Не позабудем же пир кровавый!
Жива Россия, зовём пока
Долину Смерти Долиной Славы!
Берёзки, памятник, облака...

Гарнизоны флота

Зелень волн, базальтовые сопки,
Синий воздух, белых чаек крик.
По фиордам черные подлодки,
Как киты, уткнулись в материк.

Строй домов. Дымит труба котельной.
Пронесется ягодный сезон.
И опять зима метлой метельной
Заметает дальний гарнизон.

Кольский Север. Гарнизоны флота.
Здесь и я совсем недавно жил.
Много лет в тревогах и заботах
На подлодках атомных служил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.